

МУСТАФА ЧОКАЕВ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

САЛАВАТ М. ИСХАКОВ

В Центральной Азии, в одном из древнейших цивилизационных центров во время русской революции 1917 г. происходили события, которые оказали громадное влияние как на остальных российских тюрок, так и на весь мусульманский мир. Территория тогдашнего Туркестана и Степного края (Казахстана), входящих в состав Российской империи стала ареной мощного и своеобразного столкновения и взаимодействия идей и массовых движений, политических инноваций и традиций.

Происшедшее породило обилие историографических «миражей» в советских и западных исследованиях. В новых суверенных государствах СНГ появилось немало исследований, в которых по-новому представлена история мусульманских народов бывшей империи в рассматриваемый период. Так, по утверждению историков Республики Узбекистан в начале 90-х годов появились новые подходы, в частности, в отношении к изучению Кокандской автономии (1918 г.).¹ В условиях обретения независимости Узбекистана, подчеркивается, что «перед исследователями открылись новые возможности для комплексного, критического анализа прошлого», в том числе истории становления и деятельности национальных политических организаций Туркестана в 1917 г. После 1991 г. данной теме посвятили свои публикации целый ряд узбекистанских авторов. В этих работах, написанных на основе современных концептуальных подходов, содержатся материалы о программных положениях, целях и задачах туркестанских национальных политических организациях «Шура-и Исламия», «Туран» и др., о политическом противостоянии внутри национального движения, о жизни и деятельности лидеров этих организаций и т.п.² Вообще, надо отметить, что историографический обзор появившихся как на Западе, так и на Востоке в 90-е годы XX века работ, затрагивающих указанную тему - это отдельная тема, которая из-за непоступлений многих и многих зарубежных изданий в московские библиотеки вряд по силам кому-либо из российских историков.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы избавиться от многих примитивных исторических наслоений, которые все еще мешают объективному осве-

1 См.: *Агзамходжаев С.С.* Из истории движения за автономию Туркестана // *Общественные науки в Узбекистане.* 1996. №1-2-3. С.40-48; *Алимова Д.А., Лукин Б.В.* Работы историографов Республики Узбекистан // *Отечественная история.* 1997. №2. С. 136-138.

2 Подробнее см.: *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917 году // *Общественные науки в Узбекистане.* 1996. №11-12. С.74.

щению событий 1917 г. в Туркестане. Данная статья основана преимущественно на впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, принадлежащих перу известному казахскому политику Мустафе Чокаеву³ - одному из лидеров российских и туркестанских мусульман в 1917-1918 гг.

Недостаток источников по-прежнему сказывается на освещении как личности Чокаева, так и его опыта участия в попытках национально-государственного строительства на развалинах Российской империи. Казахстанских исследователей особенно привлекают собранные Чокаевым документы, хранящиеся в библиотеке Института восточных языков и цивилизаций в Париже. В 1980 г. американский ученый Э. Лаззери опубликовал их перечень. В него входят статьи Чокаева на русском, французском и турецком языках, написанные им в 1919-1940 гг., переписка, масса разнородных документов.⁴

Но существует еще один пласт источников, позволяющих по-новому взглянуть на деятельность М. Чокаева, а именно - его доклады, письма, аналитические обзоры, рефераты, рукописи статей, переводы опубликованных материалов, относящиеся ко второй половине 20-х - началу 30-х годов, обнаруженные в материалах польской разведки, которые попали сначала в нацистскую Германию, а затем в СССР - в так называемый Особый архив (ныне Центр хранения историко-документальных коллекций) при Совете Министров СССР. Оценки Чокаева, которые почти не известны постсоветской научной общественности, поскольку очень часто не предназначались для обнародования, безусловно, нельзя отнести ни к числу исчерпывающих, ни к категории беспристрастных, тем не менее они вносят свой вклад в источниковую базу изучения событий 1917-1918 гг. в Туркестане и Казахстане.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Необходимо учитывать, что до сих пор не выявлены базовые этнодемографические характеристики Туркестана и Казахстана. К примеру, по данным официальной статистики в 1914 г. в Туркестане насчитывалось 7,3 млн. человек, в том числе в Ферганской области мусульмане составляли 98,3%, в Самаркандской области - 96,1%, в Сыр-Дарьинской области - 92,8%, в Семиреченской области - 91,4%. На эти цифры, как отмечалось позднее в газете «Туркестанские ведомости» (2 июля 1917 г.), ориентировались представители власти и в 1917 г. Советские историки, со своей стороны, обычно указывали, что в 1913 г. общая численность населения Туркестана (без Бухарского эмирата и Хивинского ханства) составляла 9,5 млн. человек, из них турки - 88,4%, таджики - 6,9%,

3 Мустафа Чокаев (1890-1941) - казах, уроженец Сыр-Дарьинской области, был выходцем из аристократической казахской семьи, закончил в 1914 г. юридический факультет Петербургского университета. В 1916 г. он стал представителем Туркестана в созданном бюро при мусульманской фракции Государственной думы. В столице он и встретил Февральскую революцию и вскоре, по его словам, вступил в партию эсеров. С 1920 г. эмигрант.

4 См.: Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы, 1997. С.91-92.

русские - 3,7.⁵ При этом считалось, что узбеки составляли 39,2% населения Туркестана, казахи - 19,5%, кыргызы - 13,5%, русские - 9,1%, таджики - 7,3%, туркмены - 4,9%, каракалпаки - 1,3%, уйгуры - 1% и др.,⁶ иначе говоря, тюркское население составляло около 80%, из них узбеки - почти половину.

Однако данные официальной статистики вызывали сомнения еще в начале XX в. По данным переписи 1897 г. численность казахов составляла примерно 4 млн. человек, но многие исследователи уже тогда считали, что она достигала 5-6 млн. человек. По подсчетам Народного комиссариата по национальным делам РСФСР, сделанным в 1920 г. на основе комплекса обследований, численность казахов в 1916 г. составляла 5,2 млн. человек.⁷ Но и эти сведения скорее всего преуменьшают численность местного тюркского населения.

После Февральской революции М. Чокаев в мае 1917 г. заявил, что статистические данные о численности коренных жителей края, составленные по материалам официальных переписей, не соответствуют действительности. Он утверждал, что в 1917 г. их было не 9 млн. человек, а почти вдвое больше. Дело в том, что мусульмане намеренно давали заниженные сведения, опасаясь подвохов со стороны властей. В 1917 г. этот момент в полной мере обнаружил себя. Так, в Ферганской области в 1917 г. при раздаче муки по карточкам выяснилось, что в кишлаках, население которых оценивалось в 500 человек, жителей оказалось в два раза больше.⁸ В сентябре 1917 г. на 2-м Туркестанском краевом общему-мусульманском съезде в Ташкенте говорилось о том, что в крае проживает 12 млн. мусульман.⁹ Представляется, что и удельный вес отдельных этносов, их территориальное размещение не соответствовало официальным данным.

Наибольшее число казахов проживало на территории Сыр-Дарьинской, Семиреченской и Степных областей, меньше их было в Самаркандской и Закаспийской областях. Казахи численно преобладали среди других народов во всех перечисленных областях, за исключением Акмолинской области, где большинство составляли русские, а также Самаркандской и Закаспийской областей, населенных по преимуществу другими тюркскими народами.

В пяти областях Туркестанского края численность узбеков согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. составляла 2,5 млн. человек.¹⁰

5 См. например: *Гафурова К.А.* Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана. (1917-1924). М., 1972. С.21-22.

6 См. например: *Шамсутдинов Р.Т.* Советы и образование национальных республик Средней Азии (1917-1925 гг.) // Вопросы истории. №6. 1986. С.30.

7 Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф.1318 [Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР]. Оп.1. Д.440. Л.7об. В исторической литературы, как правило, объясняется, что вплоть до 20-х годов XX в. под этнонимом «киргызы» имелись в виду казахи. Такое объяснение не вполне корректно, поскольку, как верно отмечалось в одном документе большевистского Наркомнаца, данный этноним охватывал два этноса - «киргиз-кайсаки» [«киргиз-казаки»], т.е. казахи и «кара-киргызы», т.е. киргизы или кыргызы.

8 Туркестанские ведомости. 1917. 27 мая.

9 Там же. 14 сентября.

10 Подсчитано по: *Зарубин И.И.* Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С.16-17.

Киргизы занимали горные области Ферганы, Пржевальский и часть Пишпекского уездов Семиреченской области, а также часть Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области.¹¹ По данным той же переписи их численность составляла 634,8 тыс. человек, в том числе в Пишпекском уезде в 161,1 тыс., Андижанском - 102,4, Аулиеатинском - 65,5, Пржевальском - 14,5.¹²

Четвертый по численности тюркский этнос Туркестана - туркмены. Их было, согласно той же переписи, свыше 300 тыс. человек.¹³

В пяти областях Туркестанского края проживало не менее 100 тыс. татар. Не меньше их было и в областях Степного края. Заниженность официальных данных связана с тем, что татары часто выдавали себя за представителей других народностей, в частности за потомков смешанных браков татар и кочевников, на которых антитатарские ограничения царских властей не распространялись.¹⁴ Таким образом, татары составляли не менее 1% численности населения Туркестана.

Итак, реальная этническая и демографическая ситуация в Туркестане в 1917 г. существенно отличалась от внедрившейся в историографию. Соответственно в ином контексте предстают и этнополитические взаимоотношения в крае накануне и в ходе революции 1917 г.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЛЕТО 1916 Г.) И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В 1916 г. в Центральной Азии вспыхнуло грандиозное восстание. В годы Первой мировой войны первостепенное значение для региона приобрел вопрос о привлечении мусульман к воинской службе. Военное ведомство выступало за призыв их в армию, МВД было против. «Компромиссным» решением, подготовленным правительственным кабинетом, возглавляемым Б.В. Штюрмером, стал указ от 25 июня 1916 г. о принудительном привлечении ранее не служивших «инородцев» к тыловым работам в прифронтовых районах. Указ словно намеренно пришелся на время рамазана, и, разумеется, был воспринят мусульманами не просто как третирование религиозных чувств, к чему они в общем привыкли, а намеренным святотатством.

Массовое недовольство мусульман подогрело русское население, распространявшее слухи, что на фронте их используют в качестве живого щита и пр.¹⁵ Не дожидаясь окончания священного поста, мусульмане обрушили свой гнев сначала на местных представителей власти, затем на все русское население края. Последствия этих взаимоотношений ощущались здесь еще долгое время.

11 ГА РФ. Ф.1318. Оп.1. Д.440. Л.5об., 7об., 8об.

12 Зарубин И.И. Указ. соч. С.10-11.

13 Подсчитано по: Зарубин И.И. Указ. соч. С.13.

14 См.: Литвинов П.П. Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 378.

15 ГА РФ. Ф.ДП ОО [Департамент полиции. Особый отдел]. Оп.1916. Д.365. Л.300, 302об.-304об.

Восстание было жестоко подавлено властями. А.Ф. Керенский, депутат Государственной Думы, вернувшись из Туркестана, в своем выступлении в декабре 1916 г. сказал, что даже на Западном и Кавказском фронтах он не видел столь «идеально», по его выражению, уничтоженного города, как Джизак. Карательные отряды, как сообщала ташкентская газета «Туркестанские ведомости» 9 октября 1916 г., «без устали преследуют банды бунтовщиков, нанося им новые потери и освобождают много пленных. Но это не все: главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие голода и холода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания».

В Казахстане и Туркестане, по свидетельству М. Чокаева, «живо помнили «черный режим белого царя», породивший «страшный 1916 год - год повсеместных народных волнений и кровавых карательных экспедиций». Когда Февральская революция 1917 г. смела старый режим, у мусульман появилась надежда, что будет покончено с прежним неравенством. Вместе с тем тогдашнее национальное движение в Туркестане оставалось уязвимым - «прочной моральной базе вопроса здесь не доставало соответственно действенной политической надстройки». Чокаев подчеркивал, что «из-за нашей интеллектуальной (в европейско-техническом смысле этого понятия) маломощности, мы не могли никому внушить достаточного уважения к нашим даже самым скромным национальным пожеланиям». Действительно, речь шла именно о пожеланиях мусульман - на то, чтобы отстаивать свои требования у них попросту не было сил.

Анализируя причины слабости национального движения, Чокаев указывал, что позднее включение региона в состав империи, а также «гнуснейшая переселенческая политика павшего императорского режима, политика насильственного отобрания земель у коренного населения» привели к тому, что не удалось выработать адекватных европеизированных средств сопротивления. По его мнению, следует выделить три фактора, которые обусловили такое положение: «1. Боязнь нашего собственного дороссийского прошлого. 2. Техническая слабость для создания управления страной согласно нашим радикальным... воззрениям на социальный порядок и политическое устройство и, наконец, 3. Почти фанатическая вера в русскую революцию 1917 года». В принципе все эти факторы можно свести к одному - незавершенности самоидентификационных процессов в среде местных политических элит.

Свою роль сыграли и великодержавные замашки послефевральской демократии в Туркестане. 10 апреля 1917 г. Чокаев попал на заседание проходившего в Ташкенте Туркестанского краевого съезда представителей исполнительных комитетов общественных организаций в качестве делегата от Перовского уезда (его родины) Сыр-Дарьинской области. Первая фраза, которую он там услышал, была: «Мусульмане должны довольствоваться тем, что дадим им мы, русские», а поэтому «туземцы» не должны предъявлять чрезмерных требований». Эти слова произнес с трибуны съезда один тамошний социалист-учитель. Между тем, отмечал Чокаев, «туземцы» требовали всего лишь, чтобы новая власть в городах была сконструирована на коалиционных началах из представителей советов и национальных организаций в связи с тем, что фактически она оказалась в руках

советов, которые установили настоящую диктатуру.¹⁶ Это свидетельство совершенно расходится с позицией официальной советской историографии, замалчивавшей великодержавную агрессивность российских социалистов в Центральной Азии.

На проходившем в апреле 1917 г. в Ташкенте съезде туркестанских мусульман, организованном партией «Шура-и исламия»,¹⁷ было решено принять меры, чтобы ответить на вызов русских социалистов «по-европейски». К лету 1917 г. по признаниям официальных лиц эта организация сумела быстро организовать широкие мусульманские массы.¹⁸ По свидетельству члена Туркестанского комитета Временного правительства генерал-майора А.-А. Давлетшина,¹⁹ «Шура-и исламия» представляла «внушительную силу», а большинство членов ташкентской организации состояло из «прогрессивных элементов».²⁰ Возглавлял ее известный туркестанский джадид узбек Мунаввар Кари.

Чокаев стал во главе Туркестанского краевого мусульманского совета (Тукрамус, по принятой в то время аббревиатуре), который являлся исполнительным органом «Шура-и исламия». На апрельском съезде «Шура-и исламия» были выбраны делегаты на 1-й Всероссийский мусульманский съезд, который проходил в Москве с 1 по 11 мая 1917 г.

МОСКОВСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД

Московский съезд имел большое значение для российских мусульман. Большинство съезда высказалось за федеративный строй, за государственную-политическую автономию окраин, которые входили бы в Российскую Федерацию, как равноправные части. Расхождения между «федералистами» и «унитаристами» (сторонниками национально-культурной автономии) носили не идейно-теоретический, а этно-прагматический характер. Почти единогласно председателем избранного на съезде Всероссийского мусульманского совета (ВМС) стал лидер национал-культурных автономистов меньшевик А. Цаликов.²¹

Это произошло не потому, что у федералистов не было подходящей кандидатуры, а в силу того, что многие мусульмане еще не придавали большого значения различиям между территориальной и культурно-национальной автономией.

16 Центр хранения историко-документальных коллекций (далее - ЦХИДК). Ф.461 [II Отдел Генерального штаба Польши]. Оп.1. Д.417. Л.128-129.

17 Шура-и Исламия (Шура-и Ислам) - название этой организации в историографии, как правило, переводится как «Совет ислама» или «Исламистский совет». Однако более точным является такой перевод - Мусульманский совет, что соответствовало духу времени.

18 Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сборник документов. Ташкент, 1947. С.99.

19 Абдул-Азиз Давлетшин (1861-1918) - из татар Уфимской губернии, дворянин, востоковед, председатель петербургского Мусульманского благотворительного общества (1907-1910 гг.), генерал-майор, начальник Азиатской части российского Главного штаба (1917 г.), член Туркестанского комитета Временного правительства.

20 Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 7 июля.

Чокаев отмечал, что приверженцы национально-культурной автономии были из тех частей тюркского и мусульманского мира России, где они «в значительной своей части лишились большинства на своей национальной территории, и в силу этого самое понятие «национальной автономии» для них становилось почти что равнозначимым «автономным персональным союзам». Он полагал, что при проведении в жизнь чисто федеративного принципа эти части тюркского и мусульманского мира, во-первых, не могли бы использовать для себя выгоды этой формы автономии и, во-вторых, лишившись моральной и политической поддержки со стороны своих сородичей и единоверцев, они окончательно потонули бы в «великорусском море». «Унитаризм» этих групп тюркского и мусульманского мира объяснялся, полагал Чокаев, не их «особенной любовью к «единой и неделимой»..., а средством защиты себя, средством отстаивания своей национальности и национальной культуры от русской опасности, от опасности обрусения». В Туркестане была совершенно иная ситуация. После съезда тюркские окраины, представленные в ВМС, работали изолированно. Что касается туркестанских мусульман, то они последовали за джадидами, являвшимися, по выражению Чокаева, национал-революционерами и федералистами.²²

МЛАДОТУРКЕСТАНЦЫ, СОЦИАЛИСТЫ, ШАРИАТИСТЫ

Трудность заключалась в том, что туркестанские федералисты не могли найти общего языка с русскими социалистами. Здесь на вершине пирамиды совдепов стоял Туркестанский краевой совет (Крас, по тогдашней аббревиатуре), который был органом чисто русской «революционной демократии», обладавший при этом большой властью, о чем свидетельствует тот факт, что Туркестанский комитет Временного правительства (Турккомитет) с первых дней своего существования (апрель 1917 г.) оказался, по существу, в руках руководителей Краса - социалистов. Два члена Турккомитета, по оценке Чокаева, «безразличный» О.А. Шкапский и «оказавшийся исключительно бездеятельным» М. Тынышпаев²³ не всегда решались даже на простую регистрацию зверств крестьян-переселенцев и солдат-дезертиров над казахским и киргизским населением Семиреченской области. Между тем, как отмечал один из мусульманских лиде-

21 Ахмед Цаликов (наст. фамилия Цалыккаты) (1882-1928) - осетин-мусульманин, окончил юрфак Московского университета (1907 г.), во время учебы вступил в РСДРП, подвергался неоднократному тюремному заключению и ссылке. Публицист, писатель. После Февральской революции избран главой Всероссийского мусульманского совета. После роспуска этого органа большевиками весной 1918 г. уехал на Северный Кавказ. После установления Советской власти в Грузии (в 1921 г.) уехал за рубеж.

22 ЦХИДК. Ф.461. Оп.1. Д.385. Л.156-157.

23 Мухамеджан Тынышпаев (1879-1937) - казах, инженер, депутат II Думы, примкнул к кадетам. После Февральской революции член Туркестанского комитета Временного правительства, премьер-министр и министр внутренних дел Временного правительства автономного Туркестана; в январе 1918 г. вышел из правительства. В 1919 г. перешел на сторону Советской власти. Репрессирован.

ров А. Топчибашев²⁴ на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г., «вся Россия была свидетельницей кошмарного истребления мусульманского населения Семиречья», где до 83 тыс. казахов и киргизов было истреблено или умерло от голода.²⁵ Всем было ясно, что это была месть «европейского» населения «туземному» за восстание 1916 г. В итоге все это обернулось новыми кровавыми межэтническими конфликтами, фактически переросшими в локальную межрелигиозную войну, с десятками тысяч жертв.

Тем не менее на Государственном совещании позиция почти всех представителей российских мусульман оказалась единой: поддержка нынешнего правительства, отстаивание федеративного принципа объединения государства во Всероссийском Учредительном собрании, что не противоречило курсу на национально-культурную автономию в соответствии с решениями 2-го Всероссийского мусульманского съезда в Казани (21 июля - 2 августа 1917 г.).²⁶

Тукрамус во главе с Чокаевым был организацией младотуркестанцев (как их называли тогда русские) - радикалов, подвергшихся влиянию русской культуры. Их энергия направлялась не на то, чтобы возвести барьеры между туркестанскими мусульманами и русскими, а на борьбу за переустройство жизни местных народов на европейских началах.²⁷ Разумеется, это был неблизкий ориентир. При этом учитывалась специфика их этноконфессиональной психологии. В августе 1917 г. самаркандский прокурор отмечал, что мусульманским массам «совершенно неизвестны политические и социальные доктрины», они имеют свое собственное воззрение на государственную власть, причем «очень стойкое и резко отличное от взгляда русских граждан».²⁸ Именно этот фактор рассчитывал использовать Тукрамус.

Вне сферы влияния Тукрамуса оставались представители, традиционного социально-консервативного течения - муллы, создавшие летом 1917 г. свою организацию «Улема Джамияти».²⁹ И Тукрамус, и улемисты стояли на платформе

24 Алимарданбей Топчибашев (1862-1934) - азербайджанец, юрист, журналист, издатель, депутат I Думы. После Февральской революции возглавлял Мусульманский национальный комитет (Баку). Эмигрант.

25 Государственное совещание. М.-Л., 1930. С.186.

26 См.: Там же. С.185, 186-187, 198, 327, 328.

27 ЦХИДК. Ф.461. Оп.1. Д.416. Л.95.

28 Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. С.113.

29 Улема Джамияти - В историографии ошибочно принято обозначать эту организацию как «Шура-и Улема» [«Совет духовенства»]; этот перевод, который дается в справочных изданиях, не точен, так как в исламе отсутствует институт духовенства. «Улема» - улемы, т.е. знатоки богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама, как теоретики, так и практические деятели в области образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов (Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С.239-240). То есть более правильно переводить эту организацию как «Совет Улемов». В газетах того времени встречаются иные названия этой организации - «Джами'ат-и Улема» (по-арабски), «Улема Джамияти» (по-тюркски), что можно перевести как «Общество Улемов» или «Совет

автономии Туркестана. Но Тукрамус имел в виду областную автономию. Когда в Ташкенте было получено известие об универсале Центральной Рады, провозглашавшем автономию Украины, младотуркестанцы на собраниях попытались объяснить его смысл. Реакция оказалась неадекватной: к утру следующего дня в мусульманской части города все вывески на русском языке оказались вымазанными черной краской. Тукрамус упорно противостоял антирусскому сепаратизму. Чокаев позднее объяснял: «Даже в эпоху революционного разрешения национальной проблемы, когда и «славянские братья» (Украина и Кубань)... создавали свои собственные государственные организмы, мы, средне-азиатцы, оставались пришитыми к России».

Младотуркестанцы были готовы к сотрудничеству с русскими социалистами (при условии уважения последними традиций коренного населения). Вместе с тем они по-прежнему были непримиримы по отношению к старому укладу жизни и деятельности улемистов.

Возглавлял улемистов частный поверенный, переводчик, востоковед, тюрколог С.-А. Лапин,³⁰ который заявлял: «Я всегда стоял и буду стоять на страже защиты и осуществления законных прав мусульман на самоопределение, построенное на чисто мусульманских принципах и началах шариата, не смущаясь тем - каким бы именем ни было угодно моим политическим противникам называть занимаемую мной позицию».³¹

По планам улемистов, Туркестан должен был стать автономной республикой в составе России со своим законодательным собранием (сам Лапин выдвигался кандидатом во Всероссийское Учредительное собрание). Улемисты подготовили конституцию Туркестанского штата. Законодательные функции Туркестанского парламента согласно резолюции сентябрьского (1917 г.) съезда улемистов должны были быть согласованы с основными законами Российской республики и с требованиями шариата. Возник конфликт между реформаторами и консерваторами: младотуркестанцы не могли согласиться с шариатскими установлениями общественно-политической жизни края, а клерикалы не способны были примириться с «русифицированным подходом» к политическому устройству Туркестана. Показательно, что улемисты развернули против Тукрамуса активнейшую пропагандистскую кампанию в союзе с правыми русскими деятелями. При этом Тукрамус открыто предавали «анафеме», называя его членом «продавшимися русским революционным идеям отщепенцами». Влияние клерикалов было настолько сильно, что на выборах в Ташкентскую городскую думу 30 июля 1917 г. список улемистов получил две трети всех голосов. В результате,

Улемов». Это была политическая организация, которая, по мнению Чокаева, представляла интересы всех традиционных элит туркестанского общества.

30 Сер-Али (Шир-Али) Лапин (1870-?) - казах, переводчик при военном губернаторе Самаркандской области, затем жил в Петербурге, частный поверенный, участник 4-го Всероссийского мусульманского съезда (Петербург, июнь 1914 г.), тюрколог. После Февральской революции лидер «Улема Джамияти», кандидат во Всероссийское Учредительное собрание, член Туркестанского Временного Народного Совета.

31 Туркестанские ведомости. 1917. 21 октября.

как ни парадоксально, большинством голосов новых членов думы городским головой был избран правый кадет А.К. Яхимович.

Хотя во всех других местах список Тукрамуса победил, но его ташкентское поражение оказалось существенным фактором развития ситуации. Успех улемистов в борьбе против Тукрамуса был связан, по мнению Чокаева, с «безобразной, отвратительной политикой (если это можно назвать «политикой») туркестанских совдепов». Действия различного рода европейских мигрантов и маргиналов стали лучшим средством агитации против России.

Со своей стороны, деятели типа Чокаева не теряли веры в российскую демократию. «Деятельность совдепов мы объясняли, как печальные эпизоды, как преходящие эксцессы темной солдатской массы, - писал Чокаев. - Мы старались защищать революцию от «революционной демократии» в лице ее туркестанских отпрысков. На всех наших съездах и в наших газетах мы поясняли, что наши национальные интересы тесно связаны с укреплением революции, с торжеством революционно-демократических начал в России. В нашей программе автономного Туркестана мы писали о великих революционных идеалах освобождения человечества, мы говорили о свободе совести и о всех других видах всех свобод... Мы ненавидели старый режим и боялись нашего собственного старого прошлого».³²

Итак, реальная ситуация в крае смотрелась совсем не так, как принято было изображать ее в советской историографии. Не было и следов сколь-либо осознанной «классовой борьбы»; реформаторы оказались стиснуты между крайностями доктринального ожесточения и этнического недоверия.

Младотуркестанцы не могли при этом открыто вести борьбу против своих клерикалов, играющих на религиозных чувствах народа (влияние ислама на казахов было, впрочем, незначительно сравнительно с узбеками³³). В результате получалось, что «чем больше народ видел притеснения со стороны русских совдепов, чем больше он, обессиленный предшествующими месяцами восстания, чувствовал свою слабость перед новыми властителями, тем глубже он уходил в свою веру, в религию», свидетельствовал Чокаев.

Показательно, что в мае 1917 г. улемисты предъявили Турккомитету требование о немедленном введении в Туркестане судов по шариату. Отказать наотрез Турккомитет не решился, согласиться не мог. Создалось критическое положение. Турккомитет решил попросить Тукрамуса провести переговоры с улемистами. В результате ряда совещаний Тукрамусу удалось уговорить улемистов взять свое требование обратно. Успех укрепил авторитет Тукрамуса, но недолго. Победа улемистов на городских выборах в Ташкенте дала и Турккомитету и Красу новый повод для похода и против него, и против самой идеи сотрудничества туркестанцев и русских.

32 ЦХИДК. Ф.461. Оп.1. Д.417. Л.135-136.

33 По мнению востоковеда Н.С. Лыкошина, которое разделяют современные исследователи, к 1917 г. казахи еще не утвердились в исламе и перенимали от «сартов» (узбеков) главным образом внешние формы благочестия. См.: *Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М., 1997. С.127.*

ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ И ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Механизм разобщения был известен. Еще на апрельском краевом съезде был внесен проект создания двух самостоятельных дум в городах Туркестана - для русских и для туркестанцев. Тогда этот проект этот не прошел, теперь Крас и Турккомитет вновь подняли его. За проектом отдельных городских дум (автором его являлся тюрколог радикальный демократ Н.Г. Маллицкий), последовал план проведения отдельных - по национальному признаку - выборов во Всероссийское Учредительное собрание (автором был эсер М.И. Сосновский). Идея находила сторонников. Проблема заключалась в том, что малочисленное европейское население Туркестана в каждом избирательном округе не могло провести ни одного своего депутата. (Исключение составляла Семиреченская область, где по самостоятельному русскому списку был избран врач С.Н. Шендриков³⁴).

Тукрамус решительно выступил против национальных курий, считая, что это противоречит демократическим началам. Чокаев утверждал, что мусульманские радикалы в своих списках давали обычно место русскому кандидату. Но, по его свидетельству, «русские революционеры не хотели, по их собственным словам, «подвергать русское население Туркестана унижительному для него положению подчиненного туземцам» (об этом говорили председатель Крса меньшевик М.Я. Фитерман и эсер М.И. Сосновский). Получалось, что «в этих двух вопросах органы революционной демократии имели поддержку всех и революционных и контрреволюционных слоев русского населения». Только Ферганский областной совет во главе с членом ЦК эсеровской партии В.А. Чайкиным, «каким-то чудом оказавшийся под руководством настоящих искренних революционеров», открыто выступил против этих «неслыханных и недопустимых искажений революционного идеала свободы и братства народов», констатировал Чокаев.³⁵ В любом случае, доктринерство парализовало прогресс демократии.

Вокруг проектов началась борьба между младотуркестанцами и совдепами, причем последних в этом поддерживал Турккомитет в лице двух своих членов - А.Л. Липовского и В.С. Елпатьевского. Часть младотуркестанцев считала, что в случае утверждения проектов, следует бойкотировать выборы во Всероссийское Учредительное собрание, часть выступали за то, чтобы выборы шли под флагом Туркестанского Учредительного собрания (избранные во Всероссийское Учредительное собрание представители должны были оставаться в Туркестане и совместно с представителями городских и земских самоуправлений (если к тому времени удастся провести выборы) открыть самостоятельную местную конституанту). Позиция Чокаева, как председателя Тукрамуса, оказывалась средней: участвовать в выборах во Всероссийское Учредительное собрание, но поехать в Петроград лишь при условии отклонения Временным правительством данных проектов. Случай избавил младотуркестанцев от внутренней борьбы по этому вопросу.³⁶

34 Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 27 октября.

35 ЦХИДК. Ф.461. Оп.1. Д.417. Л.137-138.

36 Там же. Л.138.

Решением Временного правительства от 31 августа 1917 г. Чокаев был назначен членом Турккомитета.³⁷ Чокаев согласился на свое назначение при условии, что проекты о национальных куриях будут отклонены, что в итоге и произошло. Некоторые из младотуркестанцев тогда воспаряли духом. Но события не подкрепили их ожидания - среди членов обновленного Турккомитета по-прежнему преобладали люди по-старому смотревшими на Туркестан и туркестанцев. Фактически только один человек, помощник генерального комиссара по гражданской части, граф Г.И. Доррер, несмотря на свою принадлежность к кадетам, открыто выступал в защиту автономных прав Туркестана и проведение их в жизнь. В Турккомитете развернулась внутренняя борьба. Дело доходило до того, что Чокаева одного или с Доррером отправляли в командировки, а в их отсутствие те или иные их предложения проваливались. Так, была отвергнута идея привлечения коренных туркестанцев к отбыванию воинской повинности (хотя бы в порядке добровольчества или же по милиционной системе, которая частично уже проводилась в жизнь среди туркмен Закаспийской области). Не получило одобрение предложение о том, чтобы перебросить в Туркестан солдат-татар для замены ими солдат 2-го Сибирского стрелкового запасного полка, расквартированного в Ташкенте. Турккомитет предпочел иметь в Туркестане бунтарски настроенный, но зато русский по составу полк, нежели верных правительству и способных лояльно относиться к коренным туркестанцам солдат-татар, объяснял ситуацию Чокаев.

Коренное население воспринимало подобные действия как проявление недоверия к нему со стороны русского правительства. Последовало разочарование в революции. Неудивительно, что вскоре мусульманские организации рекомендовали Чокаеву выйти из состава Турккомитета. Но поскольку его заявление об отставке (24 октября) совпало по времени с вооруженным выступлением части Ташкентского гарнизона и рабочих, он забрал его обратно, чтобы не давать повода к обвинению в «самоспасении».³⁸ Через несколько дней в Туркестане была провозглашена Советская власть.

Новая, советская, власть и младотуркестанцы

Так случилось, что из всех членов Турккомитета в Ташкенте на свободе в это время оставался один Чокаев. Поэтому именно к нему обратились представители некоторых русских организаций с предложением составить правительство, способное стать центром антисоветской борьбы. Чокаев отказался, мотивируя это тем, что «не чувствовал себя в состоянии выполнить подобную задачу, ибо для ведения борьбы не было никаких средств и никаких сил», а также «заранее было известно, что русские войска не станут действовать под начальством мусульманина». Существовала еще одна причина: первое время Тукрамус лояльно относился к центральному Советскому правительству, надеясь, что оно

37 Вестник Временного правительства. 1917. 16 сентября.

38 ЦХИДК. Ф.461. Оп.1. Д.417. Л.138-139.

урезонит туркестанских большевиков, провоцирующих межнациональную рознь между русскими и мусульманами.³⁹

В октябрьские дни, когда на улицах Ташкента шли кровавые столкновения между русскими, мусульманское население оставалось нейтральным. Большевики попытались привлечь Чокаева на свою сторону, предлагая ему войти в состав Туркестанского совнаркома в качестве председателя. Но он 1 ноября 1917 г. вместе с двумя соратниками выехал из Ташкента в Самарканд, затем отправился в Коканд, Наманган, Скобелев, Маргилан, Андижан. В ходе поездки выяснилось, что мусульмане не согласны ни на какие действия под флагом свергнутого Временного правительства.⁴⁰

«Я далеко не принадлежу к числу хулителей Февральской революции, - писал Чокаев спустя годы. - Наоборот. Был ее энтузиастом и остаюсь ее защитником против старой для нас всех одинаково неприемлемой российской монархии». Анализируя причины поражения национально-революционного движения туркестанских масс, Чокаев полагал, что «если бы туркестанцы сами были хорошо подготовлены к восприятию революции, к ее практическому использованию, Туркестан легче, чем какая бы то ни было другая часть старой России, мог бы осуществить многое из своих национальных требований». Но этого не случилось. На этой нашей неподготовленности к «техническому освоению революции» спекулировали не только старые волки старого режима, как бывший ташкентский городской голова кадет Маллицкий, но и социалисты, вроде меньшевика Фитермана, - писал Чокаев. - Если Маллицкий говорил, что «пусть сами туземцы проводят своими силами трамваи, электричество, пусть сами они создают свое «образцовое городское хозяйство», то русские рабочие и специалисты из числа социалистов ему вторили и говорили: «Пусть сами туркестанцы руководят железными дорогами, телеграфом, почтой...». Со всем этим нельзя было не считаться. «Мы, - констатировал Чокаев, - вели борьбу против таких форм узурпации и шовинизма, но борьба наша оставалась борьбой словесной...»

У мусульман-радикалов «не было внутреннего единства в понимании задач и требований эпохи», а между тем социально-консервативные элементы видели счастье мусульман в полном и безоговорочном подчинении их законам шариата. Получалось, что «за предоставление суда по шариату наше духовенство было готово принять какой угодно режим над Туркестаном». Напротив, писал Чокаев, «небольшое количество прошедших через русские и мусульманские же новые школы лиц было другого настроения», они были «материалистами» и «вольтерьянцами», выдвигая «на первый план моменты политических свобод и социальной правды» и при всем величайшем уважении к верованию народа, не считали шариат средством национального освобождения. «Нам казалось, что приличная автономия в пределах Российской демократической республики, дающая возможность развитию здоровых национальных начал, куда лучше широчайших свобод на основе шариата», - заключал Чокаев. Ситуация осложнялась тем, что туркестанские консерваторы признали образовавшуюся в центре Со-

39 Там же. Д.416. Л.96; Д.417. Л.194-195.

40 Там же. Д.417. Л.139.

ветскую власть и только для Туркестана добивались организации местной власти, согласно особенностям «мусульманского быта».⁴¹

Между тем в советской историографии утверждалось, что «Шура-и исламия», а также «Улема Джамяти» приложили все силы для борьбы с растущим национально-освободительным движением рабочих и дехкан, а также демократических слоев национальной интеллигенции. После установления в Туркестане Советской власти эти организации якобы чуть ли не сразу развязали вооруженную борьбу против нее.⁴² Налицо попытка втиснуть своеобразие этнополитической обстановки в крае под абстрактные стандарты «классовой борьбы».

К ВОПРОСУ О СЕПАРАТИЗМЕ, «ПАНТЮРКИЗМЕ» И «ПАНИСЛАМИЗМЕ»

Подводя результаты революции, глава ВМС А. Цаликов, обобщая поступавшую информацию с мест, в том числе из центральноазиатского региона в сентябре 1917 г. констатировал: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население... Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие...» Он отмечал, что «русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватými для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции».⁴³ Здесь звучало предупреждение новой власти не повторять прежних ошибок.

После Октября 1917 г., писал Чокаев, казалось бы, следовало ожидать «манифестации» всероссийского мусульманского или тюркского единства. Ничего подобного не произошло. Каждая тюркская окраина действовала отдельно. Первым - 27 ноября 1917 г. - на путь осуществления национально-территориальной автономии вступил Туркестан с своим Народным Советом, Временным правительством и с Туркестанским Учредительным собранием.

Не было единства, к примеру, среди казахов, разделенных, как известно, на три жуза (родоплеменных объединения) - Младший (территория Западного Казахстана), Средний (территория Центрального Казахстана) и Старший (территория Семиречья). Во главе Восточной Алаш-Орды стояли представители рода А. Букейханова⁴⁴ (Семипалатинская область), в Западной Алаш-Орде господство-

41 Там же. Л.140-141.

42 Например см.: *Гафурова К.А.* Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти (1917-1924). М., 1972; *Иноятов Х.Ш.* Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978.

43 Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября.

44 Алихан Букейханов (1868-1937) - преподаватель, журналист, этнограф, депутат I Думы, кадет, оценщик Донского земельного банка, ученый-лесовод. После Февральской революции Тургайский областной комиссар Временного правительства, член Туркестанского комитета Временного правительства, кандидат во Всероссийское Учредительное собрание, один из лидеров казахского национального движения. В 1919 г. перешел на сторону Советской власти. В декабре 1922 г. по личной реко-

вали два рода во главе с Х. и Д. Досмухамедовыми⁴⁵ и Г. Алибековым,⁴⁶ в Иргизском уезде Тургайской области - род А. Темирова⁴⁷ (Младший жуз), в Тургайском уезде Тургайской области предводительствовал род А. Биримжанова⁴⁸ (Средний жуз), всем им в Тургайском уезде противостоял род во главе с «ярыми» большевиками А. Имановым⁴⁹ и А. Джангильдиным⁵⁰ (Средний жуз). Чокаев, который родился в Перовском уезде, относился к роду кипчаков-казахов, выходцы из которого проживали в Сыр-Дарьинской области (Старший жуз),

мендации Сталина принят на работу в Наркомнац. Репрессирован. В целом выходцы из Среднего жуза, расположенного ближе к России и наиболее урбанизированного, явно доминировали в составе казахской интеллектуальной и политической элиты в начале XX в., что довольно долго сохранялось и в советское время (*Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // *Вестник Евразии.* 1996. №1 (2). С.50, 51). Эта ориентация проявилась, в частности и в том, что у Чокаева, Букейханова, А. Байтурсунова (Средний жуз) были русские жены (См.: *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за свое существование и культуру. Пер. с тур. М., 1997. С.453.). Чокаева (Горина-Чокаева) Мария Яковлевна как певица (меццо-сопрано) выступала в концертах, на литературно-музыкальных вечерах, активно участвовала в культурной жизни русской эмиграции в Париже (в 1926-1938 гг.).

- 45 Халел Досмухамедов (наст. фам. Досмухамбетов) (1883-1939?) - окончил Петербургскую военно-медицинскую академию, примыкал к кадетам, участник I Всероссийского мусульманского и казахских съездов (1917 г.), член Всекиргизского (Всеказахского) Народного Совета Алаш-Орда. Джаганша (Джанша) Досмухамедов (1887-?) - юрист, тов. прокурора Томского окружного суда (апрель 1917 г.), кандидат во Всероссийское Учредительное собрание.
- 46 Губайдулла Алибеков - член Уральского областного казахского комитета, участник казахских съездов в 1917 г.
- 47 Абдулла Темиров - член Тобольского окружного суда, Иргизский уездный комиссар Временного правительства, участник 2-го Тургайского областного казахского съезда (Актюбинск, 20-25 августа 1917 г.), кандидат во Всероссийское Учредительное собрание.
- 48 Ахмет Биримжанов (Беремжанов) (1870-?) - мировой судья и судебный следователь в Тургайской области, депутат I-II Дум, член мусульманской фракции, в 1917 г. член Самарского окружного суда, Кустанайский уездный комиссар Временного правительства, участник казахских съездов, член Всекиргизского (Всеказахского) Народного Совета Алаш-Орда, кандидат во Всероссийское Учредительное собрание, член правительства Алаш-Орда.
- 49 Амангельды Иманов (1873-1919) - участник восстания 1916 г. в Центральной Азии. После Февральской революции возглавил военно-революционный комитет Тургайского уезда, сторонник большевиков, активный участник установления Советской власти в Тургайской области, член РКП(б).
- 50 Алиби Джангильдин (1884-1953) - из племени казахов-кипчаков, как и М. Чокаев; крещен под именем Иван Степнов, учился в Московской духовной семинарии, помощник епархиального миссионера. Обошел все святые места в России, его портрет печатался во многих русских журналах. С 1915 г. большевик. После Февральской революции отошел от православия, в конце 1917 г. комиссар Тургайской области, активный участник установления Советской власти в Казахстане.

причем его семья была близка к узбекской и русской знати. В этой же области, особенно в Перовском и Казалинском уездах, было много казахов из Малого жуза, к которому принадлежал С.-А. Лапин, пользовавшийся их поддержкой в борьбе с Чокаевым.

Большинство казахов, по оценке Чокаева, было за объединение всех казахских областей с Туркестаном, в пределы которого входили наиболее населенные казахские области - Сыр-Дарьинская и Семиреченская. Меньшинство, возглавляемое наиболее известными лидерами А. Букейхановым, А. Байтурсуновым,⁵¹ М.-Я. Дулатовым,⁵² выступало за вхождение в состав автономной Сибирской области, так как опасалось влияния туркестанских консерваторов и клерикалов.

Критикуя «сибирскую ориентацию», Чокаев вместе с тем указывал, что «реакционный» Туркестан в подавляющем своем большинстве неожиданно пошел за джадидами-младотуркестанцами, представлявшими и возглавившими, по его словам, «подлинно национально-революционное течение».⁵³ Таким образом, этнополитическое самоопределение мусульман пошло чрезвычайно сложным, подчас неожиданным путем.

Политического объединения российских тюрок и в последующий период не удалось достичь. Препятствовали этому и постоянные метания мусульманских лидеров, зачастую связанные с их личными амбициями. Случай с А.-З. Валидовым,⁵⁴ который от союза с оренбургским казачеством и дружбы с атаманом Дутовым, без всяких промежуточных инстанций переметнулся в феврале 1919 г. на сторону Советской власти, - был по-своему закономерен. «Подобный случай не встретил осуждения ни с чьей почти стороны, и все почти считали его явлением нормальным», - констатировал Чокаев.

Ташкентская газета «Улуг Туркистан» [«Великий Туркестан»] в декабре 1917 г. объясняла, что объявление автономии Туркестана не означает отделения его от России. Вместе с тем газета предупреждала, что «покушение на права туркестанских народов, откуда бы оно ни исходило, может повлечь за собой такие последствия, перед которыми побледнеют даже кровавые события», происшедшие 13 декабря 1917 г. в Ташкенте - тогда, в день рождения пророка Мухаммеда, была разогнана мусульманская демонстрация, которая была организована в связи с провозглашением туркестанской автономии.⁵⁵ Вслед за советскими ис-

51 Ахмет Байтурсунов (Байтурсунов) (1873-1937) - член Тургайской областной управы, инструктор сельского хозяйства, поэт, просветитель, один из лидеров казахского национального движения; член РКП(б) с 1920 г. Репрессирован.

52 Мир-Якуб (Миржакип) Дулатов (1885-1937) - редактор газеты «Казах», член Тургайской областной управы, член земельного комитета, поэт, писатель, переводчик, уездный мировой судья. После Февральской революции один из лидеров казахского движения. Репрессирован.

53 ЦХИДК. Ф.461. Оп.1. Д.385. Л.158, 159.

54 Ахмет-Заки Валидов (1890-1970) - историк, тюрколог, в 1917-1918 гг. один из лидеров башкирского движения. В 1919-1920 гг. сотрудничал с большевиками, затем действовал в Туркестане в рядах мусульманских повстанцев, с 1923 г. в эмиграции.

55 Цит. по: Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 29 декабря.

ториками современные российские исследователи пытаются по существу отвлечь внимание от возникшего в результате еще одного очага межнационального и межконфессионального конфликта, используя расхожий тезис о том, что провозглашенная в ноябре 1917 г. Кокандская автономия выступала за восстановление Кокандского ханства и учреждения Среднеазиатского халифата, а ее правительство, ориентированное на англичан, развернуло вооруженную борьбу за отделение Туркестана от России.

Такого рода интерпретации возникли не без европейского влияния. Еще в 1908 г. немецкий арабист, тюрколог и исламовед профессор Берлинского университета М. Хартман (1851-1918) опубликовал книгу,⁵⁶ в которой предлагал создать на границе России и Китая независимое от них государство «Киргизстан» (с населением примерно 10 млн. русских и китайских казахов и киргизов)(см. карту 1), с проевропейским правителем во главе. По мнению М. Хартмана, эти народы ненавидели как Россию, так равно и Китай, и при первом брожении в России или Китае они обязательно восстанут.⁵⁷ Именно об этом прогнозе вспомнил в условиях революционного 1917 г. известный российский востоковед В.В. Бартольд, когда писал, что один немецкий ученый, «мечтая о создании в Туркестане независимого от России, но не мусульманского по духу и не враждебного европейской культуре государства», предложил фантастический проект создания государства «Киргизстан».⁵⁸ Подобные замыслы, однако, не встретили в 1917 г. поддержки ни тюркских народов Центральной Азии, ни их правительств.

«КОКАНДСКАЯ АВТОНОМИЯ»

Историки на самом деле не обращают внимание на национальный состав Кокандского правительства, который отражал как демократические веяния, так и психологию туркестанизма, осознания общей родины - Туркестана. Первоначально правительство возглавлял министр-председатель и министр внутренних дел семиреченский казах М. Тынышпаев, его заместителем являлся татарин И. Шагиахметов⁵⁹; управляющим отделом внешних сношений - казах М. Чокаев; управляющим отделом народной милиции и общественной безопасности - уз-

56 М. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan. Geschichte, Verwaltung, Geistesleben und Wirtschaft* (Frankfurt a. M., 1908). Приложение. Карта 1. Русско-китайская граница.

57 Цит. по: *Левитов И.С. Киргизстан // Голос России (Пг.). 1916. №25. С.5.*

58 *Туманович Н.Н. Описание архива В.В. Бартольда. М., 1976. С.255.*

59 Шах-Ислам (Ислам) Шагиахметов - уроженец Оренбургской губернии, выпускник юридического факультета Петербургского университета; помощник присяжного поверенного, редактор-издатель газеты «Туркестанский край», член народно-социалистической партии, в апреле 1917 г. избран в Тукрамус, затем зам. председателя его, член Всероссийского Мусульманского Совета, член Туркестанского Временного Народного Совета, член Всероссийского Учредительного собрания. В феврале 1918 г. был арестован большевиками в Коканде. После освобождения в мае 1918 г. отошел от политической деятельности. В 1920 г. бежал в Индию, где заболел и был отправлен во Владивосток, к родным. Дальнейшая судьба неизвестна.

бек У. Ходжаев⁶⁰; министром землеустройства и водопользования - узбек Х. Юргули-Агаев⁶¹; министром продовольствия - узбек А. Махмудов⁶²; зам. министром внутренних дел - казах А. Уразаев⁶³; министром финансов - еврей С.А. Герцфельд⁶⁴ В правительстве, состоявшее из высокообразованных и подготовленных кадров, оказались представлены основные тюркские народы края и национальные меньшинства.

Вскоре, в начале 1918 г., Тынышпаев, несогласный с некоторыми действиями правительства, которые, как он считал, могут обострить отношения с большевиками, вышел из правительства. Его место в середине января 1918 г. занял Чокаев. Среди руководства автономного Туркестана были серьезные противоречия, разные ориентации - российская, германская, турецкая и др. Вот здесь и проявили себя политические слабости местных элит.

В январе 1918 г. Кокандское правительство известило о намерении созвать 20 марта 1918 г. свой парламент на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования, гарантируя немусульманскому населению 1/3 мест. Такой общетуркестанский парламент, несомненно, сплотил бы всех туркестанцев и стал бы непреодолимым препятствием для большевиков. Получилось, что ориентируясь на этнический состав населения, учитывая интересы меньшинства, и не забывая при этом о профессиональной подготовленности депутатов, правительство приняло удачное решение.

Местные большевики по приказу из центра приступили к подготовке ликвидации Кокандского правительства. В феврале 1918 г. Кокандская автономия, просуществовав более двух месяцев, была разгромлена. По свидетельству очевидца, многие здания, в том числе правительственные, типографии, амбулатории при разгроме Коканда сгорели. Превратились в пепел также 11 тысяч дворов, 37 мечетей, 11 медресе, а также банки, магазины, коммерческие конторы, базарные лавки, дуканы, школы и т.д. «Одна третья часть старого города превращена в развалины, - сообщалось в газете «Улуг Туркистан» 2 апреля 1918 г. - Сейчас тысячи кокандцев остались без крова, одежды и еды. Такое, наверное, не бывает

60 Убайдулла Ходжа (Ходжаев) (1886-1942) - частный поверенный, член Всероссийского Мусульманский Совета, кандидат во Всероссийское Учредительное собрание, член Туркестанского Временного Народного Совета.

61 Хидаят-бек Юргули-Агаев - ученый-агроном, чиновник, помощник заведующего государственным имуществом Ферганской области, член Всероссийского Учредительного собрания, член Туркестанского Временного Народного Совета; его женой была выпускница петербургского Патриотического института Жозефина Станиславовна Юргули-Ага (урожденная Трушковская).

62 Абиджан Махмуд (Махмудов) - горнопромышленник, предприниматель, владелец типографии в Коканде, один из лидеров туркестанских джаидов, зам. председателя Кокандской городской думы.

63 Абдурахман-бек Уразаев - помощник присяжного поверенного, член Туркестанского Временного Народного Совета.

64 Герцфельд Соломон Абрамович - в 1903 г. приехал в Ташкент из Одессы, присяжный поверенный, один из лидеров местных евреев, член Туркестанского Временного Народного Совета. Убит большевиками во время кокандских событий.

даже после войны... Точное количество погибших пока не известно. Кроме того, многие взяты в плен», в том числе члены правительства.⁶⁵ При обстреле Коканда большевиками использовалась не только артиллерия, но и аэропланы. В итоге погибло свыше 10 тыс. мирных жителей. Выходившая в Ташкенте в 1917-1918 гг. газета на казахском языке «Бирлик Туы» [«Знамя единения»] констатировала, что большевистская власть «сравнила с землей населенный мусульманами старый город, погубила тысячи жизней невинных беззащитных мусульман, разграбила все имущество их...» Город был сожжен и разграблен отрядами Красной гвардии, дашнаков, частями Ташкентского гарнизона.

Эта операция стала на деле не победой, а поражением Советской власти. В дальнейшем она оказалась лицом к лицу с басмачеством, как верно писал большевик Г.И. Сафаров (Вольдин) в начале 20-х годов. Примечательно и другое. По его свидетельству, ташкентское руководство улемистов было против Кокандской автономии, в которой руководящие позиции заняла казахская интеллигенция. Противоречия между различными группами местной элиты оказались настолько серьезными, что они не смогли мобилизовать своих многочисленных сторонников для защиты Кокандской автономии.

Разгром Кокандской автономии ускорил дальнейшее продвижение большевиков в Центральную Азию и повлиял на судьбу других мусульманских государств в составе России, которых вскоре ожидала та же участь - «суверенных» советизированных республик.

Таким образом, национально-революционное движение центральноазиатских тюркских народов окончилось разгромом Кокандской автономии и полным падением доверия местного населения к русской революции, центральной и местной Советской власти. Кокандские события показали, что в Туркестанском крае, с абсолютным преобладанием тюркско-мусульманского населения, необходимого единства в рядах местной духовной и политической элиты не было. Тем более анахронизмом выглядят утверждения, присутствующие до сих пор в научной литературе и средствах массовой информации, о панисламистских и пантюркистских устремлениях как туркестанских народов, так и вообще российских тюрков в 1917 г. и годы гражданской войны. Национальные и этнократические интересы оказались гораздо сильнее подобных доктрин, которые затронули на самом деле узкий круг местных интеллектуалов.

В течении многих десятилетий в общественном сознании под влиянием советской историографии складывался устойчивый миф о чуть ли не изначальном сепаратизме тюркских народов. На самом деле «туркестанизм», ощущение общности тюркских народов Туркестана, был серьезным препятствием для большевистских планов распространения своей власти. Чтобы сокрушить «туркестанизм» потребовалось разрушение многовековой этнической интеграции, для чего пришлось пойти на создание в 20-х годах соответствующих национальных республик, что изображалось как «воплощение» в жизнь продекларированного большевиками права народов на самоопределение.

65 Цит. по: *Абдуллаев Р.* Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. №11-12. С.201.